

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.511

Ившин Л.М.

кандидат филологических наук

ФГБУН «Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН» (Ижевск)

Рукописи русско-удмуртских словарей Г.Е. Верещагина

Научно-отраслевой архив Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН располагает 2 вариантами рукописных русско-удмуртских словарей Г. Е. Верещагина, написанных, предположительно, в конце 19- начале 20 века. Автор использует русскую графику того времени с добавлением латинских букв i, q и j. Памятники имеют некоторое отличие в графическом плане, на что наложило отпечаток время над их составлением. Словари ученого, базируясь, по его мнению, на промежуточном, наиболее распространенном диалекте – северноудмуртском – вобрали в себя лингвистические особенности как срединных говоров, так и южных диалектов удмуртского языка.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ «Малоизученные печатные и рукописные источники по удмуртскому языку второй половины XIX века (поиск и популяризация)» в рамках научного проекта № 18-012-00004.

Ключевые слова: Г. Верещагин, письменность, удмуртский язык, рукопись, словарь, графика, диалект

В удмуртском языкознании Г.Е. Верещагина знают прежде всего как автора печатных сочинений «О книгах на вотском языке» и «Руководство к изучению вотского языка», изданных в Казани в 1895 и 1924 гг. Однако в его наследии значительную долю составляют рукописные архивные материалы по лексикографии. К настоящему времени опубликовано несколько рукописных языковедческих работ ученого – грамматика и удмуртско-русские словари [1], [2], [3]. Из лингвистических рукописей остаются малоисследованными два русско-вотских (=русско-удмуртских) словаря удмуртского просветителя. В работах одних ученых [4, с. 118; 5, с. 24; 6, с. 6] об этих манускриптах имеются лишь отдельные упоминания, в других освещены их графические и орфографические особенности [7, с. 167–170; 8, с. 211–217]. В данной статье мы попытаемся дать анализ русско-вотских словарей Г. Е. Верещагина общелингвистического плана.

Общая характеристика

Анализируемые лексикографические работы представляют собой рукописи объемом 193 и 265 листов соответственно, состоящие из нескольких тетрадей. Записи произведены коричневыми чернилами четкой скорописью на листах бумаги с обеих сторон, имеющих размер 29 × 22 см (том 1) и 22 × 17,5 см (том 2). Каждая рукопись представляет собой законченный вариант словаря. Обе лексикографические работы составлены на желтовато-белой бумаге разного типа: газетной, в клетку, в линию, неиспользованных и частично использованных метрических книг и других специальных бланков, имевшихся под рукой Г.Е. Верещагина. Некоторые листы исписаны полностью в несколько столбцов. Можно предположить, что причиной такого размещения материала явился недостаток бумаги автора. На обороте листа № 193

рукописи первого тома имеется несколько стихотворений Г.Е. Верещагина, что еще раз доказывает верность этого предположения. На рукописи, составленные в 20-х гг. прошлого столетия, мог повлиять бумажный кризис, когда специальными приказами по всем учреждениям запрещалось писать размашисто, оставлять поля и незаполненные изнанки. Предлагалось использовать в качестве бумаги все сколько-нибудь на нее схожее [9, с. 108]. По предварительным подсчетам в каждой рукописи содержится около 13 тысяч словарных статей, но состав лексем в словарях не совсем одинаков.

В одной из рукописей (том № 1) имеется предисловие, в котором Г.Е. Верещагин указывает следующее: «Отсутствие в нашей литературе пособий к изучению вотского языка побудило меня составить «Русско-вотский словарь», являющийся результатом многолетних трудов». Здесь же даны некоторые грамматические сведения об удмуртском языке: «В языке этом никаких разделений предметов на роды – мужской, женский и средний – нет; здесь только один общий род; для обозначения пола существуют особые слова» [10, с. 2] (далее номера страниц анализируемых рукописей приводятся лишь с указанием номера тома следующим образом: [1: 2]).

Точных сведений о времени составления рукописей нет, но датировку написания этих работ, исходя из особенностей их орфографии, мы можем поставить приблизительно. С другой стороны, наличие записей, сделанных карандашом и чернилами, наталкивают на мысль о том, что автор неоднократно возвращался к своим рукописям, поэтому точной даты написания словарей, может быть, предугадать и не стоит. Первая рукопись (том № 2), предположительно создана (или, по крайней мере, работа над ее составлением начата) в конце XIX – начале XX века до принятия реформы русской орфографии

1918 г., поскольку в самом начале словаря, примерно до слов, начинающихся с буквы «Г», в конце лексем, оканчивающихся на твердый согласный, написана буква **ъ**, которая встречается также во многих словах на протяжении всего словаря. Временем работы над второй рукописью [11] является период после принятия реформы русской орфографии в 1918 г., когда из русского алфавита были исключены буквы **і, Ѣ, ѳ и ѣ** (последняя – в конце слов после твердых согласных). В частности, в русских словах данного словаря отмеченные буквы практически не использованы. Датировка второй рукописи возможна также по письму Г. Е. Верещагина, адресованному младшему сыну в Москву: «...в настоящее время я пишу русско-вотский словарь, написал уже 10 тетрадей...», которое подписано 1925 г. [12].

Особенности графического и орфографического плана

В русско-вотских словарях использована русская графика того времени с добавлением латинских **i, q** (встречаются исключительно во втором томе рукописи словаря в основном в русских и латинских словах, в удмуртских же – в единичных случаях) и **j**.

Г.Е. Верещагиным для записи удмуртских слов использованы:

1) общеизвестные буквы русского алфавита: Аа, Бб, Вв, Гг, Дд, Ее, Ёё, Жж, Зз, Ии, й, Кк, Лл, Мм, Нн, Оо, Пп, Рр, Сс, Тт, Уу, Цц, Чч, Шш, щ, ъ, Ыы, ь, Ээ, Юю, Яя;

2) знаки, представляющие собой буквы кириллицы или латиницы: **i, Jj, q**;

3) сочетания букв и буквы, обозначающие специфические звуки удмуртского языка: **Дж/дж, Дз/дз, Кк**;

4) надстрочный знак – поднятая вверх запятая (').

Необходимо отметить, что буквы **i, й, q, щ, ъ, ь** в удмуртских словах представлены лишь в строчном варианте, а знаки **x** и **щ** встречаются в единичных лексемах, заимствованных из русского языка, например: *Имар-Христос Мумы* 'богородица' (1: 43 об.)³; *роща, тэль* 'лѣс молодой' (2: 161 об.).

Графические особенности

1. Буквой **i** или сочетанием **ѣи** (иногда **ѣі**) в удмуртских словах для показания велярности предшествующего согласного автор в абсолютном большинстве случаев обозначил звук **и**: *кизили* *пилемен* *пытсаськемо* 'беззвѣздный' (2: 27 об.), *нуро инт'и* 'болотистый' (1: 44 об.); *н'изили, нугыли* 'макаронь' (1: 13); *сьильтэк виртэк* 'безвещественно' (2: 22 об.), *сьятыны* 'выстудить' (2: 125 об.). В рукописи второго тома для передачи **и** в единичных удмуртских словах встречается латинская **i**: *ткѣды кіо* 'бѣлорукій' (2: 70: об.); *чѣт* 'высокій ростом, но

тонкій' (2: 124 об.); *шкѣи сѣсь нумыр* 'гробожитель' (2: 131 об.). Эта буква в данном случае использована для обозначения инлаутного звукосочетания **-ий-**.

2. Латинская буква **j** применяется в двух случаях:

а) для обозначения начального (и интервокального) **й**: *ѣырѣны* 'глодать' (2: 128 об.); *киѣл карыны* 'мешать локтем пишущему' (1: 15); *муѣктэмъ* 'безусый – о человѣкъ' (2: 37); *ничѣи ѣyro* 'малоголовый' (1: 13); *ѣжѣи ваѣны* 'ягниться' (1: 19 об.);

б) для обозначения палатальности предшествующего согласного перед гласной (**к** или **ы** – в томе № 2 рукописи): *волѣйт* 'гладенькій' (2: 128 об.); *дзезѣны* 'выпарывать' (2: 122 об.); *нѣкраны* 'выстегать' (2: 125). В рукописи № 1 предшествующий палатальный согласный перед **ы** обозначен в основном последующей **j** (в единичных случаях последующим мягким знаком), а перед гласной **к** – только мягким знаком: *созь, созѣи* 'эдак' (1: 21); *тыты муѣи* 'желудь' (1: 22); *ылѣис боды* 'батог' (1: 35); *ськѣрын* 'взади' (1: 55). Двойное обозначение мягкости предшествующего гласной согласного наблюдается и в удмуртско-русских словарях ученого [13, с. 8–9]. Причем следует заметить, что автор в своем печатном труде «О книгахъ на вотскомъ языкѣ» предлагал заменить буквы **й** и **ь** единообразно буквой **j**, которая в положении после согласных выполняет функцию «смягчения» последних, а «послѣ гласныхъ служить вмѣсто русскаго й»: *сѣѣсѣ* 'глина', *туѣ* 'береста' [14, с. 4–5]. Практически же это положение только отчасти получило свое воплощение в рукописных работах ученого.

3. Латинская **q** встречается в одном единственном случае только в рукописи № 2 и обозначает сложный удмуртский звук **кѣи**: *қинь сѣрго крѣзь* 'арфа' (2: 12). В других примерах в обеих рукописях звуки **кѣи** и **кѣа** обозначены буквосочетаниями **куи** и **куа** соответственно: *куинь сю* 'триста' (1: 154 об.); *куазь жобан* 'выюга' (2: 127); *куара кѣкло, куаратэм* 'беззвучный' (2: 27 об.); *куинѣи* 'трдневно' (2: 266); *маин-ке шуқкыса куара поттыны* 'бацать' (1: 35) и др.

В силу необходимости использования этой буквы сам Г.Е. Верещагин пишет следующее: «Не введен составителями и переводчиками вотских книг в свой алфавит еще необходимый латинский знак **q** ... <> ... [он] произносится как нечто среднее между **ку** и **кв**» [1, с. 15]. Можно предположить, что автор начал составлять второй том рукописи русско-вотского словаря еще до выхода этой книги, поскольку в ней (книге) слова с **куа**- написаны через начальную **q**: *қала* (шалаш), *қажы* (коростель), *қара* (голос). Опираясь на данное высказывание ученого и материалы рукописи № 2, временем составления ее можно считать, скорее всего, 1890-е гг. или их первую половину.

4. В разделительной функции и для обозначения велярности предшествующего согласного, в том числе в середине и конце слова, употребляются твердый знак (**ъ**) и поднятая вверх запятая ('): *ваменѣяськыны* 'блажить' (2: 44); *дук'я дучес* 'беркут' (1: 40 об.); *куз'яськон* 'женитьба' (2: 139 об.); *пущкарѣяськыны* 'гнѣздиться' (2: 129 об.); *тымысѣт'изѣ*

³ Здесь и далее языковой материал Г.Е. Верещагина – независимо от того, как был представлен им самим – подается следующим образом: в алфавитном порядке сначала удмуртское слово или выражение – обычным курсивом, переводы на удмуртский язык заключаются в марровские кавычки, орфография оригинала рукописи полностью сохранена.

толызь ‘август’ (1: 10); *ус’ян* ‘боронень’ (1: 45 об.). Надо заметить, что в первом томе рукописи поднятая вверх запятая употреблена как в разделительной функции, так и для показания велярного согласного, предшествующего гласному.

5. При обозначении своеобразных удмуртских аффрикат Г. Е. Верещагин применил как один знак – **ч** (как для велярной глухой *ч*, так и палатальной *ч*): *пыч турын* ‘блошница *Erigeron*’ (2: 48); *чочен* ‘безотдельно’ (1: 38); *чуж нэнэ* ‘баба’ (1: 33 об.); *чужыса быттыны* ‘вымести’ (2: 121); *чушыны* ‘вытирать’ (2: 126); *шыр сибьсь дучес* ‘балабан’ (1: 34) и **ж** (для велярной звонкой *ж*): *жигытакъ лэсьтысь* ‘аккуратный’ (2: 4), так и буквосочетания – **дз** (перед йотированными гласными, и **и** и **й** – для палатальной звонкой *ж*): *бордземьнь, вордземьнь* ‘верхомь’ (2: 79); *дзюзыр-дзюзыр* ‘мохра платья’ (1: 17 об.); *дзязегъ* ‘гусь’ (2: 132); *Инмарез адзъысь* ‘боговидец’ (1: 43); *кырдыса умме усъкытыны* ‘баюкать’ (1: 35) и – **дж** (для велярной звонкой *ж*): *джокут* ‘духота в комнате’ (1: 92 об.); *джужыт* ‘высоко’ (1: 80); *джужытъ жыло* ‘высоковерхий’ (2: 124 об.); *джыны* ‘половина’ (1: 142 об.); *джытазе* ‘вечеромь’ (2: 80 об.) и др.

В рукописи № 2 в единственном примере аффриката *ж* обозначена сочетанием **дз** с последующим мягким знаком: *бадзьымез* ‘большой’ (2: 56 об.).

Таким образом, рукописи восточно-русских словарей Г. Е. Верещагина имеют некоторое отличие в графическом плане, на что наложило отпечаток время над их составлением.

Диалектные особенности

В своих лингвистических трудах Г. Е. Верещагин один из первых среди удмуртских исследователей еще в конце XVIII столетия теоретически осмыслил важность и наметил определенные пути создания единого общепонятного для всего удмуртского народа письменного и печатного языка, хотя термин «литературный язык» в его работах еще не фигурирует. Он, по его мнению, должен вобрать в себя богатство всех основных диалектов, но базироваться на северном наречии («глазовском диалекте»), как одном из наиболее чистых и менее подверженных иноязычным влияниям [14, с. 7]. Такого же мнения позднее придерживался и Д. В. Бубрих: «Для строительства литературного удмуртского языка <...> надо выбрать северные диалекты, но не крайнюю северную их часть, а ту, которая приходится на среднюю часть Удмуртской области» [15, с. 8].

В рукописях русско-удмуртских словарей Г. Е. Верещагина встречается довольно большое количество грамматических форм, характерных именно для северных говоров удмуртского языка. Вот, например, самые заметные из них:

1) причастие «настоящего времени» от глаголов I спряжения образовано при помощи форманта *-ысь*: *вунэтысь* [*vunetɨsʲ*] ‘безпамятный’ (2: 31); *дзеч лэсьтысь, дзеч карысь* [*ʒeč lesʲɨsʲ, ʒeč karɨsʲ*] ‘благодетель’ (1: 41 об.; 2: 43); *Инмарезъ яратысь* [*inmarez jaratɨsʲ*] ‘боголюбвец’ (1: 43; 2: 51); *Инмар-*

тэкъ улысь [*inmartek ulɨsʲ*] ‘безбужникъ’ (2: 20 об.); *книга гожтысь* [*knʲɨga goʒtɨsʲ*] ‘авторъ’ (1: 10; 2: 1 об.); *сыкыке пыртысь* [*sʲelʲɨke pɨrtɨsʲ*] ‘греховодникъ’ (2: 132); *тышкасыкысь адями* [*tɨʲʃkasʲkɨsʲ adʲamɨ*] ‘браньктъ’ (1: 46 об.; 2: 61);

2) форма возвратного залога глаголов I спряжения образована при помощи суффикса *-ск-*: *адсконь* [*adskonʲ*] ‘видѣние’ (1: 57 об.; 2: 84 об.); *гожтскем* [*goʒtskem*] ‘рукоприкладство’ (1: 112; 2: 241); *куасалскыны* [*kuasalskɨnɨ*] ‘загибаться’ (1: 25; 2: 142 об.); *сутскыны* [*sutskɨnɨ*] ‘гореть пламенем’ (1: 85; 2: 131); *ватскыны* [*vatskɨnɨ*] ‘прятаться’ (1: 149; 2: 232).

В словарях Г. Е. Верещагина наличествуют лексические северизмы или общеудмуртские слова в фонетическом оформлении северных говоров: *вичакъ* [*vičakʲ*], *вочакъ* [*vočakʲ*] ‘все’, *вичаклы шум потонъ сѣтысь* [*vičaklɨ ɕumpoton sʲotɨsʲ*] ‘всеселящий’, *вичаксэ адзъысь* [*vičakse adʒɨsʲ*] ‘всвидецъ’ (1: 69 об.; 2: 106); *вочаксэ быттысь* [*vočakse bɨttɨsʲ*] ‘всегубитель, всепагубный’, *вочаксэ улаз возъысь* [*vočakse ulaz vozʲɨsʲ*] ‘всодержитель’ (1: 70; 2: 106 об.); *вочакъ мылпотэмен* [*vočak mɨlpotemen*] ‘всеохотно’, *вочакъ дунъен* [*vočak dunʲnʲeen*] ‘всесѣтно’ (1: 70 об.; 2: 107); *вочакъ вирозъ сутонъ* [*vočak viroe sutonʲ*] ‘всесожигаемый’ (1: 70 об.; 2: 107 об.); *вонял* ‘жила’ (1: 23; 2: 140); *бокпро* ‘жук’ (1: 23 об.; 2: 140 об.); *бусы* [*bʲusɨ*] ‘поле’ наряду с южноудмуртскими *луд* [*ludʲ*] и *тарлау* [*tarlauʲ*] ‘тж.’ (1: 142; 2: 24 об.); *исъкавын* [*isʲkavɨnʲ*] ‘сосед изъ родни’ (1: 187; 2: 53); *бече* [*bečʲe*] ‘сосед, сосед, рядом живущий’ (2: 253 об.); *дзезъы* ‘ворота’ (1: 65; 2: 99 об.); *кытцы* [*kɨccɨ*] ‘куда’, *кытцы-ке* [*kɨccɨ ke*] ‘куда нибудъ’ (1: 124; 2: 157 об.) (правда, в отношении подобных наречий с двойным *-ци-* (*-сс-*) (орфографически *-ти-*) следует заметить, что они чресполосно встречаются не только в северных, но и в южных и периферийно-южных говорах удмуртского языка); *кужен* [*kuʲhen*], *кужен-вамен* [*kuʲhen-vamenʲ*] ‘напрямик’ (1: 176; 2: 163 об.); *лекатыны* [*lʲekatɨnɨ*] ‘осуждать’ (1: 167 об.; 2: 183 об.); *лэсяна* [*lesʲana*] ‘кромт’ (1: 123; 2: 156 об.); *мумы* [*mumʲ*], *нэнэй* [*nenʲej*], *ноной* [*nonojʲ*], *мемей* [*metʲej*] ‘мать’ (1: 5; 2: 163); *отцы-татцы ветлон* [*otɕɨ-tatɕɨ vetlonʲ*] ‘бродня’ (1: 47 об.; 2: 64); *пальмон* ‘удивление’ (1: 102 об.; 2: 211); *паньтэм* [*panʲtem*] ‘тѣзка’ (1: 152; 2: 263); *сик* [*sʲikʲ*], *нюлэс* [*nʲules*], *чатча* [*čatča*] ‘лѣс’, *сыкъд нюлэс* [*sʲed nʲules*] ‘лес, лѣс темный’ (1: 126 об.; 2: 161 об.); *тертскыны* [*tʲertsɕɨnɨ*] ‘служить’ (2: 250); *токма* [*tokma*] ‘напрасно’ (1: 176 об.; 2: 163 об.); *уртмыл’исъкыны* [*urtmɨlʲisʲkɨnɨ*] ‘ябедничать’ (1: 19 об.; 2: 192); *эбек* [*ebekʲ*] ‘лягушка’ (1: 129 об.; 2: 162); *якма* [*jakma*] ‘замок внутренний’ (1: 27 об.; 2: 144 об.); *ялам* [*jalamʲ*], *лапак* [*lapakʲ*] ‘постоянно’ (1: 144; 2: 227) и др.

Как было отмечено, Г. Е. Верещагин принял в качестве основы словаря северное наречие (об этом красноречиво свидетельствует приведенный выше материал), тем не менее, он не отказывался в употреблении фонетических форм и явлений, присущих и для других диалектов удмуртского языка.

Так, например, для срединных говоров характерно:

а) употребление аффрикаты *ɥ* в середине слова: *лучканы* [luɥkani] ‘воровать’ (1: 65; 2: 99); *лучкем* [luɥket], *лучкемен* [luɥketen] ‘тайно’ (1: 151; 2: 262); *лучкемен кошкыны* [luɥketen koʃkɨni] ‘увилить’ (1: 101 об.; 2: 210); *пучкын* [puɥkɨn] ‘внутри’ (1: 60; 2: 89 об.); *пучкысь вир кошкон* [puɥkɨs' vir koʃkon] ‘кровотечение женское’ (1: 123; 2: 156); *чоч* [uoi] ‘вкупъ’ (1: 59; 2: 88);

б) отсутствие йотации между гласным конца основы и инициальным гласным служебной морфемы (чаще всего перед *a*, *o* и *ɛ*), например: *бадзъймалаэз* [baʒʒɨmalaez] ‘величина’ (1: 53); *векчиомытыны*, *векчиомытыны* [vekʃiomɨtɨni] ‘измельчать’ (1: 114 об.; 2: 150 об.); *дуноасъкыны* [dunoas'kɨni] ‘дорожить’ (1: 91; 2: 135 об.); *дэриасъкыны* [derias'kɨni] ‘грязниться’ (1: 86 об.; 2: 132); *зарнианы*, *зарнианы* [zarn'iani] ‘вызолачивать’ (1: 76 об.; 2: 117 об.); *капчиасъкыны*, *капчиасъкыны* [kapčias'kɨni] ‘веселиться’ (1: 54 об.; 2: 79 об.); *котъмаэ сийсь*, *котъмаэ сийсь* [kot'mae s'ijs] ‘всеядец’ (1: 70 об.; 2: 107 об.); *куноасъ* [kunoas] ‘гоститель’ (1: 85 об.; 2: 131); *сизъям арняо* [s'iz'ɨm ar'n'ao] ‘семидневный’ (1: 183; 2: 246 об.); *тырос кизилио*, *тырос кизилио* [tɨros kiz'il'io] ‘многозвездный’ (1: 16; 2: 164 об.) и др.

В тех же случаях, когда основа слова оканчивается на *ы-*, а служебная морфема начинается с гласной *-а-*, йотация присутствует: *выжыясъкыны* [viʒ'ɨjasɔkɨni] ‘плодиться’ (1: 139 об.; 2: 121); *дыльдыяны* [dil'dɨjani] ‘выслонивать’ (1: 80; 2: 124 об.); *пинал гогьяны* [pinal gogɨjani] ‘бабничать’ (1: 33 об.; 2: 15 об.); *тылыясъкыны* [tɨlɨjas'kɨni] ‘оперяться’ (1: 164; 2: 180 об.); *усьян*, *усьянь* [usɨjan] ‘боронение’ (1: 45 об.; 2: 58 об.).

В обоих словарях довольно последовательно встречается другое фонетическое явление – очень редкое в удмуртских диалектах – стяжение сочетания середины основы слова типа *-рчч-* в *-рч-*: *нунал орчытыны* [nunal or'kɨni] ‘провести время’ (2: 230); *орчыны* [or'kɨni] ‘пройти’ (1: 147; 2: 231); *орчысь мурт* [or'kɨs' murt] ‘прохожий’ (1: 148; 2: 230 об.); *орчытъ* [or'kɨt] ‘весьма’ (1: 55; 2: 80); *парчаны* [par'kani] ‘потрошить’ (1: 144 об.; 2: 227 об.); *перчыты* [per'kɨni] ‘отвязать’ (1: 168; 2: 184); *сарчы*

[s'arkɨ] ‘рѣпа’ (1: 111 об.; 2: 242); *урчыны* [ur'kɨni] ‘плыть через край во время кипения’ (1: 262 об.; 2: 221 об.). В настоящее время это явление обнаружено в кукморском и шошминском говорах и в бесермянском наречии, менее последовательно – в бавлинском, красноуфимском говорах и речи носителей отдельных населенных пунктов Ярского района Удмуртской Республики. Для абсолютно большинства удмуртских диалектов (северного наречия, срединных говоров, южного диалекта и некоторых периферийно-южных говоров) оно не характерно [16, с. 88–90; 17, с. 109–110]. Источником для вышеуказанных форм для Г.Е. Верещагина послужили, скорее всего, письменные памятники на казанском диалекте, для которых упрощение *-рчч-* в *-рч-* является обычным явлением (см. тж.: [18, с. 129–130]).

Для рассматриваемых словарей Г.Е. Верещагина характерно также наличие довольно большого количества южноудмуртской лексики или общеудмуртских слов в фонетическом оформлении южных говоров, например: *анай* [apaɨ] ‘старшая сестра’ (1: 183; 2: 246 об.); *байтак*, *уно* [bajtak, uno] ‘много’ (1: 15 об.; 2: 164 об.); *бака* [baka] ‘лягушка’ (1: 129 об.; 2: 162); *бочы* [boɥ2] ‘жук’ (1: 23 об.; 2: 140 об.); *кайма* [kajta] ‘следующий раз’ (1: 184 об.; 2: 250 об.); *капка* [kapka] ‘ворота’ (1: 65; 2: 99 об.); *киар* [kɨar] ‘огурец’ (1: 162; 2: 178 об.); *курданы* [kurdani] ‘бояться’ (1: 146; 2: 60); *кушкышы* [kuʃkɨni] ‘искать’ (1: 115 об.; 2: 151 об.); *кызмет карыны* [kɨzmet kariɨni] ‘служить’ (2: 250); *ляльчи* [l'al'ki] ‘слуга’ (1: 185; 2: 250); *мактасъкыны* [maktas'kɨni] ‘хвалиться’ (1: 98 об.; 2: 206 об.); *мумы писэй* [mumɨ piɨej] ‘кошка’ (1: 122; 2: 156); *начар* [naɥar] ‘бедный’ (1: 35 об.; 2: 22); *тарлау* [tarlau] ‘поле’ (1: 142; 2: 24 об.); *тэчкась* [tek'kas] ‘лягушка’ (1: 129 об.; 2: 162); *тэльмырыны* [tel'mɨrɨni] ‘просить’ (1: 147 об.; 2: 231); *чагисъкыны* [kagis'kɨni] ‘ябедничать’ (1: 19 об.; 2: 192).

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что язык анализируемых рукописных словарей Г.Е. Верещагина, базируясь, по его мнению, на промежуточном, наиболее распространенном диалекте – северноудмуртском – вобрал в себя фонетические, морфологические и лексические особенности, характерные и для других диалектных ареалов удмуртского языка.

Список литературы

1. Верещагин Г.Е. Собрание сочинений: В 6 т. / Под ред. В. М. Ванюшева. Т. 6. Кн. 1: Труды по языкознанию / УИИЯЛ УрО РАН; отв. за вып. Л. Е. Кириллова; авт. предисл. и коммент. Л. Л. Карпова и Л. Е. Кириллова. Ижевск, 2002. 291 с. (Памятники культуры).
2. Верещагин Г.Е. Собрание сочинений: В 6 т. / Под ред. В.М. Ванюшева. Т. 6. Кн. 2: Вотско-русский словарь [= Удмуртско-русский словарь] / УИИЯЛ УрО РАН; отв. за вып. и авт. предисл., коммент. Л.М. Ившин. Ижевск, 2006. 288 с. (Памятники культуры).
3. Верещагин Г.Е. Собрание сочинений: В 6 т. / Под ред. В.М. Ванюшева. Т. 6. Кн. 3: Вотско-русский словарь [= Удмуртско-русский словарь] / УИИЯЛ УрО РАН; отв. за вып. и авт. предисл., коммент. Л.М. Ившин. Ижевск, 2011. 152 с. (Памятники культуры).
4. Кельмаков В.К. Г.Е. Верещагин и проблемы удмуртского литературного языка (к 225-летию первой удмуртской грамматики) // Пермистика 8: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Сб. ст. / Отв. ред. В.М. Лудькова. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкар. ун-та, 2001. С. 118–125.
5. Кельмаков В.К. Дихотомия «диалекты – литературный язык» в трудах Г.Е. Верещагина // Г.Е. Верещагин и этнокультурное развитие народов Урало-Поволжья: Сб. ст. / УИИЯЛ УрО РАН; сост. В.М. Ванюшев, Т.С. Зыкина; отв. ред. В.М. Ванюшев. Ижевск, 2004а. С. 24–32.

6. Кельмаков В.К. Г. Е. Верещагин и некоторые проблемы удмуртского языкознания / УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 2004б. 140 с.
7. Ившин Л.М. Об одном из вариантов рукописного вотско-русского словаря Г.Е. Верещагина // Г.Е. Верещагин и этнокультурное развитие народов Урало-Поволжья: Сб. ст. / УИИЯЛ УрО РАН; сост. В.М. Ванюшев, Т.С. Зыкина; отв. ред. В.М. Ванюшев. Ижевск, 2004. С. 167–170.
8. Ившин Л.М. Рукописные русско-вотские (=русско-удмуртские) словари Г.Е. Верещагина // Nyelvtudományi Közlemények. 2012. 107. köt. 211–217 old.
9. Бруштейн А. Страницы прошлого. М., 1956. 128 с.
10. Верещагин Г. Русско-вотский словарь. Рукопись. Т. 1. РФ НОА УИИЯЛ УрО РАН. Оп. 2-Н. Д. 405. 193 л.
11. Верещагин Г. Русско-вотский словарь. Рукопись. Т. 2. РФ НОА УИИЯЛ УрО РАН. Оп. 2-Н. Д. 406. 265 л.
12. Письма Верещагина. Семейный фонд Верещагиных-Беренгартен. ЦГА УР. Р-1710. Оп. 1. Д. 1.
13. Ившин Л.М. К читателю // Верещагин Г.Е. Собрание сочинений: В 6 т. / Под ред. В.М. Ванюшева. Т. 6. Кн. 2: Вотско-русский словарь [= Удмуртско-русский словарь] / УИИЯЛ УрО РАН; отв. за вып. и авт. предисл., коммент. Л.М. Ившин. Ижевск, 2006. С. 8–9. (Памятники культуры).
14. Верещагинъ Г. О книгахъ на вотскомъ языкѣ. Вятка, 1895. 21 с.
15. Бубрих Д.В. Из результатов работ удмуртской лингвистической экспедиции 1929 г. // Вопросы диалектологии и истории удмуртского языка: Сб. науч. ст. / РАН. УрО. Удмурт. ин-т ИЯЛ. Ижевск, 1992. С. 3–28.
16. Kel'makov V., Saarinen S. Udmurtin murteet (= Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen julkaisuja 47). Turku–Ihevsk, 1994. 368 s.
17. Кельмаков В.К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1998. 386 с.
18. Кельмаков В.К. Нырысетӥ удмурт тодосчи // Вехи истории удмуртского языковедения / Удмурт. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкознания, РАН, УрО, Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. Ижевск: Удмурт. ун-т. С. 115–138.

Ivshin L.M.

Manuscripts of the Russian-Udmurt Dictionaries of G. E. Vereshchagin

There are two handwritten Russian-Udmurt dictionaries are kept in the scientific archives of the Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural branch of the Russian Academy of Science. Probably they were compiled by the Udmurt scholar G. Vereschagin in the end of the 19th and in the beginning of the 20th century. In the manuscripts the scholar used the Russian graphic of that period of time and some Latin letters such as i, q and j. Because of the time of their preparation the dictionaries have some difference in the graphic plan. In the opinion of G. Vereschagin the works were based on an intermediate, most widespread North-Udmurt dialect. So the dictionaries incorporated linguistic features both middle and southern dialects of the Udmurt language.

Keywords: G. Vereschagin, written language, the Udmurt language, manuscript, dictionary, graphics, dialect.